

ПРЕЗУМПЦИИ В ОБЩИХ ПРАВИЛАХ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

Аннотация. В статье предлагается анализ норм гл. 25 Гражданского кодекса РФ на предмет использования в них презумпций, а также иных правовых конструкций, построенных на предположениях. Раскрывается авторское понимание презумпций как моделей правовых явлений, используемых для преодоления неопределенности в правоотношениях, для оптимального сочетания интересов их участников. Обращается внимание на функции правовых презумпций и их обусловленность функциями правовых явлений, моделируемых в презумпциях, что задает ориентир для эффективного применения подобных конструкций в охране интересов участников правоотношений.

Отмечается, что возможное существование неопределенности относительно факта нарушения обязательства на этапе обращения за защитой не создает предпосылок для использования презумпций в гражданском праве, а порождает необходимость установления фактов нарушения обязательств. При этом допускаемые в подобных ситуациях предположения оформляются не в материально-правовые, а процессуальные презумпции. Основное внимание в работе сосредоточено на исследовании вопроса о применении презумпций и различных предположений при регламентации правил об условиях привлечения должников к гражданско-правовой ответственности за нарушение обязательств (противоправность поведения лица, нарушившего обязательство; причинная связь между противоправным поведением и нарушением обязательства, вина).

Обоснованы выводы о невозможности применения презумпций при установлении противоправности поведения лица, нарушившего обязательство, и при определении причинной связи между противоправным поведением и фактом нарушения обязательства.

Рассмотрена возможность применения предположений о негативных последствиях нарушения обязательств и формы их выражения в действующих нормах и правовых позициях Верховного Суда РФ, отражающих подходы к применению новелл гражданского законодательства.

При оценке условий применения презумпции вины предложен анализ ее природы и установлены пределы ее применения. Обоснована невозможность применения презумпции вины при оценке поведения кредитора.

Сформулирован общий вывод об объективной необходимости предположений при регламентации отношений по применению мер гражданско-правовой ответственности.

Ключевые слова: презумпции, предположения, нарушение обязательств, ответственность, условия привлечения к ответственности, сочетание интересов, убытки, презумпция вины, правовая неопределенность, установление фактов.

DOI: 10.17803/1729-5920.2017.126.5.038-045

© Булаевский Б. А., 2017

* Булаевский Борис Александрович, кандидат юридических наук, доцент Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

bboulaevski@rambler.ru

125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Правила об ответственности за нарушение обязательств, равно как и правила о гражданско-правовых обязательствах в целом, весьма многогранны. Сфера их применения не ограничивается лишь договорами, а распространяется и на обязательства, возникающие из односторонних сделок, решений собраний, вследствие причинения вреда, вследствие неосновательного обогащения, а также других оснований, указанных в ГК РФ, в том числе тех, которые, хотя и не предусмотрены законом, но не противоречат ему.

Как и большинство норм гражданского права, правила об ответственности за нарушение обязательств образуют относительно самостоятельную систему специальных и общих норм и, подчиняясь единому режиму обязательств, применяются в порядке, установленном законом для обязательств (в частности, п. 1 и 2 ст. 307.1 ГК РФ).

Кроме того, на условиях, определенных законом (п. 3 ст. 307.1 ГК РФ), общие положения об обязательствах (в том числе и общие правила об ответственности за нарушение обязательств, изложенные в гл. 25 ГК РФ) применяются к требованиям, возникающим из корпоративных отношений (гл. 4 ГК РФ), а также к требованиям, связанным с применением последствий недействительности сделки (§ 2 гл. 9 ГК РФ).

Подобное значение общих положений об обязательствах (в том числе и правил об ответственности за их нарушение) позволяет на основе единого понимания ответственности за нарушение обязательств, а также использования универсальных правовых конструкций и категорий обеспечить достижение цели применения ответственности за нарушение обязательств.

Особого внимания среди таких правовых средств заслуживают основанные на предположениях конструкции презумпций, значение которых в рамках проводимого реформирования гражданского законодательства не только не ослабло, но значительно усилилось посредством расширения сфер их применения в правовых нормах.

Существует множество различных подходов к пониманию презумпций в праве¹. Мы исходим из того, что презумпция как правовая

конструкция представляет собой закрепленную в правовой норме модель юридически значимого, но неочевидного в рамках определенных правоотношений правового явления, построенную на опровержимом предположении о возможном состоянии соответствующего правового явления.

В механизме правового регулирования презумпции применяются в качестве самостоятельного правового средства при наличии условий (условия), установленных правовой нормой, и не применяются при доказанности обстоятельств, исключающих возможность их использования.

Иными словами, предлагая готовое решение для устранения неопределенности в правоотношениях, любая презумпция допускает возможность ее неприменения путем доказывания заинтересованным лицом отсутствия неопределенности относительно того или иного правового явления в конкретном правоотношении.

Подобное свойство презумпций являет собой один из возможных вариантов сочетания интересов участников правоотношений как главной цели права. Вместе с тем этой цели служит не только допущение возможности неприменения презумпций, но также (и в первую очередь) их правовое закрепление и применение в интересах конкретных участников правоотношений. При этом как правовые средства презумпции наряду с предложением аналогового решения для устранения неопределенности в правоотношении могут выполнять различные функции. Это и признание интересов, и их обеспечение, и реализация, и, если требуется, защита.

Выполняемые презумпциями функции во многом предопределяются функциями правовых явлений, моделируемых в презумпциях, а также сферой их потенциального применения.

Нами неоднократно отмечалось, что разнообразие правовых явлений, относительно состояния которых может возникать неопределенность, предопределяет широту использования презумпций в праве².

Допускаемые в соответствующих случаях предположения могут касаться, в частности, фактов существования правоотношений и их

¹ Обзор подходов к пониманию презумпций см.: *Булаевский Б. А. Презумпции как средства правовой охраны интересов участников гражданских правоотношений. М., 2013. С. 16—31.*

² *Булаевский Б. А. Понимание презумпций как основа их эффективного применения (в поиске гражданско-правовых особенностей) // Журнал российского права. 2014. № 5. С. 48—55.*

элементов (субъектов, объектов, прав и обязанностей), оснований возникновения правоотношений, оценок поведения участников правоотношений и принадлежности им юридически значимых свойств.

В рамках института ответственности за нарушение обязательств случаи оформления предположений в презумпции не единичны, хотя чаще других, как правило, вспоминают лишь презумпцию вины.

Вместе с тем даже поверхностное ознакомление с динамикой отношений по реализации мер ответственности позволяет вести речь о широком круге предполагаемых явлений (здесь и персонификация субъектов ответственности, и факты существования неблагоприятных последствий, и размер потерь от нарушения обязательств и целый ряд иных правовых явлений). Да и предположение о вине не всегда оказывается пригодным для эффективного сочетания интересов участников обязательственных правоотношений, а наилучшей альтернативой выступает предположение противоположного — невиновности.

Приступая к анализу общих правил об ответственности за нарушение обязательств на предмет существования в них презумпций, обратимся к действующему гражданскому законодательству и оценим существующие формы опосредования предположений в правовых нормах (как оформленные, так и не оформленные в презумпции), а также рассмотрим возможные сферы для применения предположений в общих правилах об ответственности за нарушение обязательств и сферы, где применение предположений должно исключаться.

Как известно, основанием любой ответственности является правонарушение.

Применительно к обязательствам в числе правонарушений традиционно различают неисполнение и ненадлежащее исполнение.

И если при неисполнении обязательств поводов для применения каких-либо предположений быть не должно в принципе (ибо отсутствие четкого понимания предмета обязательства делает бесперспективными всякие суждения о возможности применения мер ответственности), то оценка ненадлежащего исполнения обязательств не исключает возможности их применения.

Прежде всего отдельные предположения возможны в связи с нарушением обязательств, основанных на непоименованных в законе договорах, действительность которых во многом

предопределяется свободой усмотрения участников гражданских правоотношений, а критерии их надлежащего исполнения могут быть «размыты» в соответствующих соглашениях.

Кроме того, предположения о ненадлежащем исполнении обязательств возможны в связи с широким использованием в рамках организации обязательственных отношений оценочных категорий (например, таких как добросовестное исполнение, разумный срок и др.).

Действующие общие правила об ответственности за нарушение обязательств не предлагают примеры использования предположений для устранения неопределенности относительно оснований ответственности. Объяснить это можно тем, что в рамках общих правил об ответственности за нарушение обязательств (гл. 25 ГК РФ) основное внимание сосредоточено на конкретных формах гражданско-правовой ответственности за неисполнение либо ненадлежащее исполнение обязательств (убытки, неустойка и др.) и отдельных условиях привлечения к ответственности, а правила об основаниях ответственности за нарушение обязательств, по сути, оказываются рассредоточенными по нормам отдельных институтов гражданского права.

Несмотря на то, что известная доля неопределенности может иметь место в отношении факта нарушения обязательства (например, при определении источника распространения конфиденциальной информации), и неисполнение, и ненадлежащее исполнение служат основаниями ответственности за нарушение обязательств лишь как фактические обстоятельства, которые должны быть подтверждены заинтересованными лицами, а не предполагаться. Как известно, за изъятиями, установленными законом, лицо, участвующее в деле в рамках судебной защиты нарушенных прав, должно доказать те обстоятельства, на которые оно ссылается как на основания своих требований (ч. 1 ст. 65 АПК РФ; ч. 1 ст. 56 ГПК РФ). Принятие судом иска до подтверждения (доказательства) соответствующих обстоятельств связывается не с неизвестной отечественному правопорядку презумпцией нарушения обязательства, а с процессуальной презумпцией добросовестности лица, обращающегося в суд за защитой.

Возвращаясь к вопросу о предположениях материального права, связанных с основаниями ответственности за нарушение обязательств, необходимо заметить, что полностью без них действующее право не обходится.

В частности, п. 6 ст. 393 ГК РФ допускает возможность заявления требования о пресечении действия, воздержание от которого является предметом негативного обязательства, в случаях возникновения реальной угрозы нарушения такого обязательства.

При этом предположение о возможном нарушении не оформляется в презумпцию.

Такое положение объясняется тем, что соответствующее предположение выступает лишь средством реализации приема юридической техники — установления пределов применения конкретного способа защиты нарушенных прав, а именно — заявления требования о пресечении определенных действий. В указанном и подобных ему случаях предположения служат лишь «мотивом образования правовых норм»³ и не получают закрепления в виде самостоятельных правовых конструкций, к которым наряду с иными относятся и презумпции.

Неоднозначно обстоит дело и с оценкой применения презумпций при регламентации условий привлечения к ответственности за нарушение обязательств. Наряду с примерами их очевидного закрепления в законе и эффективной реализации на практике как в доктринальных подходах, так и в правоприменительной практике встречаются отдельные дискуссионные позиции.

Как известно, условия ответственности за нарушение отдельных обязательств могут существенно различаться.

Но при этом всегда при решении вопроса о применении мер ответственности за нарушение обязательств юридически значимыми являются противоправность поведения нарушителя и причинная связь между его поведением и фактом нарушения обязательства. Кроме того, во многих случаях решающее значение приобретает установление отношения лица к своему противоправному поведению и его последствиям, а также наличие негативных последствий для потерпевшего (вред, убытки и т.д.).

По нашему мнению, предполагать противоправность — значит, не иметь четких ориентиров в вопросах, что такое хорошо и что такое плохо. Тем не менее в специальной литературе

иногда указывают на существование «презумпции противоправности». Так, Е. В. Карманова обосновывает ее существование ссылкой на ст. 1064 ГК РФ⁴. О презумпции противоправности поведения, причиняющего вред, ведет речь Н. В. Витрук, однако норма закона, в которой она закрепляется, им не называется, а обоснование сводится лишь к возможности доказательства того, что лицо было уполномочено на совершение вредоносных действий⁵.

Однако иметь возможность доказать правомочие на причинение вреда (на нарушение обязательства, на отступление от его условий и т.п.) совсем не означает, что подобное доказательство будет проявлением опровержения действия некой презумпции. Устраняемая при этом неопределенность в правоотношении носит частный характер, обусловленный неосведомленностью кого-либо из участников правоотношения о существовании соответствующего правомочия. В презумпциях же учитывается неопределенность общего свойства. Ее существование не может зависеть лишь от осведомленности участников конкретных правоотношений. Будь иначе, отдельные правовые презумпции попросту перестали бы существовать (например, презумпция отцовства в семейном праве).

Закон достаточно последовательно ограничивает действия на противоправные и правомерные. И даже в тех случаях, когда действие не получило определенной оценки в законе, оно обретает соответствующую «окраску» либо по аналогии закона, либо исходя из общих начал и смысла гражданского законодательства и требований добросовестности, разумности и справедливости.

Причинная связь между противоправным поведением и фактом нарушения обязательства также не может служить объектом предположения для построения презумпции. Прежде всего потому, что она устанавливается между объективно взаимосвязанными правовыми явлениями. Нарушение обязательства может быть следствием лишь противоправного поведения, а противоправность выражается в определенном либо допускаемом правовой нормой отступлении от обязательства.

³ Ойгензихт В. А. Презумпции в советском гражданском праве. Душанбе, 1976. С. 21.

⁴ Карманова Е. В. Обязательства вследствие причинения вреда правомерными действиями в российском гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 10.

⁵ Витрук Н. В. Общая теория юридической ответственности. М., 2009. С. 310.

На этом фоне нуждается в пояснении положение п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» (далее — постановление Пленума № 7), где отмечается, что если возникновение убытков, возмещения которых требует кредитор, является обычным последствием допущенного должником нарушения обязательства, то наличие причинной связи между нарушением и доказанными кредитора убытками предполагается (с учетом того, к каким последствиям в обычных условиях гражданского оборота могло привести подобное нарушение). При этом должник, опровергающий доводы кредитора относительно причинной связи между своим поведением и убытками кредитора, не лишен возможности представить доказательства существования иной причины возникновения этих убытков.

В данном разъяснении высший суд допустил смешение категорий «нарушение обязательств» и «поведение кредитора», по сути, отождествив их друг с другом.

Нарушение обязательств — это следствие противоправного поведения кредитора, которое может приводить к негативным последствиям, а может и не приводить к ним (см. подробнее об этом ниже). При этом ответственность может наступать и в отсутствие негативных последствий от нарушения обязательства.

Установление причинной связи между нарушением обязательства и негативными последствиями нарушения обязательства лежит за рамками вопроса о причинной связи как условия привлечения к ответственности. Да, такая причинная связь может предполагаться, но она не является условием привлечения к ответственности за нарушение обязательства. Таковым является лишь причинная связь между противоправным поведением и нарушением обязательства.

Например, в деликтных правоотношениях причинную связь между противоправным поведением и фактом нарушения обязательства по возмещению вреда не следует отождествлять с причинной связью между противоправным поведением и наступившим (либо

возможным) вредом. Если в первом случае причинную связь предполагать нельзя, то предположение о втором виде причинной связи вполне возможно, и только в этой части соответствующее разъяснение высшего суда оказывается пригодным для правоприменения.

Теперь обратимся к предположениям о негативных последствиях нарушения обязательств.

По нашему мнению, ни в одном из случаев нарушения обязательств негативные последствия их нарушения не являются определяющим фактором привлечения к ответственности. Более того, нередко нарушение обязательств не влечет негативных последствий для потерпевшего, а иногда оказывается даже выгодным для него (например, при просрочке возврата кредита в условиях инфляции).

Однако ответственность за нарушение обязательств возникает как при наличии негативных последствий для потерпевшего, так и в их отсутствие. Данное обстоятельство с очевидностью указывает на приоритет охраны публичных интересов при реализации института ответственности за нарушение обязательств. Отдавать такую охрану «на откуп» предположениям, значит, допускать возможность неответственности, осознанно принижая значение института ответственности в праве. Представляется, что даже в частном праве, где приоритетно охраняются интересы конкретных участников правоотношений, отсутствие негативных последствий от нарушения обязательства для потерпевшего само по себе не может служить ориентиром для применения либо неприменения ответственности, а использование соответствующих предположений не должно становиться средством решения задач, стоящих перед правом.

Данный вывод относится и к популярным в последние годы компенсаторным инструментам в праве, когда неопределенность проявляется не только применительно к оценке размера негативных последствий, но имеет место и в связи с оценкой самого факта их существования.

Возьмем для примера один из относительно новых способов защиты интеллектуальных прав — компенсацию вместо возмещения убытков (п. 3 ст. 1252, ст. 1301, 1311, 1406.1, п. 4 ст. 1515 ГК РФ)⁶.

⁶ Вместе с тем в юридической литературе отмечается, что аналог современной компенсации усматривается уже в правилах Положения об авторском праве 1911 г. (см.: *Маковский А. Л.* О кодификации гражданского права (1922—2006). М., 2010. С. 602).

Может показаться, что появление данного способа «вместо возмещения убытков» не исключает возможность использования предположений⁷, по крайней мере о самом факте существования убытков. Однако основанием для присуждения подобной компенсации служит не факт наличия убытков и не предположение их наличия, а нарушение интеллектуальных прав. Именно поэтому присуждение компенсации может состояться и в отсутствие убытков, а предположение об убытках лишается смысла.

Примерно так же обстоит дело и с предположениями о размере убытков. Как известно, в соответствии с п. 5 ст. 393 ГК РФ размер подлежащих возмещению убытков должен быть установлен с разумной степенью достоверности. Правда, при этом суд не может отказать в удовлетворении требования кредитора о возмещении убытков, причиненных неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства, только на том основании, что размер убытков не может быть установлен с разумной степенью достоверности. В этом случае размер подлежащих возмещению убытков определяется судом с учетом всех обстоятельств дела, исходя из принципов справедливости и соразмерности ответственности допущенному нарушению обязательства.

Иными словами, ориентируя правоприменителей на четкое установление убытков, законодатель все-таки допустил возможность их оценочного (по сути, предположительного) определения. И в этом — то самое отступление от жестких стандартов доказывания убытков, на которое нередко обращают внимание в качестве тенденции современного правоприменения. Однако оснований для вывода о применении презумпции определенного размера убытков действующее законодательство не дает. Вместе с тем, как отмечалось ранее, правоприменителя ориентируют на доказательство существования иной причины возникновения убытков (абз. 3 п. 5 постановления Пленума № 7).

В контексте общих правил об ответственности за нарушение обязательств лишь предпо-

ложение о вине как условии привлечения к ответственности оформлено в презумпцию.

Объяснение этому кроется в природе самой вины. Понимаемая как отношение лица к своему противоправному поведению и его последствиям, вина конкретного лица не может быть с очевидностью установлена без надлежащего выяснения такого отношения у непосредственного нарушителя. Но нарушитель — лицо заинтересованное, а значит, акцент на установлении вины с его помощью в контексте достижения целей института ответственности едва ли предложит эффективное решение возможных проблем.

Трудность доказывания вины лицами, не совершавшими правонарушения, а также неизвестность либо неочевидность значимых для ее установления обстоятельств (фактор опровержимости), по сути, предопределяют необходимость обращения к презумпции вины. При этом для сбалансирования интересов лицу, чья вина предполагается, должна быть предоставлена возможность доказывания иного, что, собственно, и можно наблюдать в общих правилах об ответственности за нарушение обязательств (п. 2 ст. 401 ГК РФ).

Иначе обстоит дело с виной кредитора (ст. 404 ГК РФ). В общих правилах об ответственности за нарушение обязательств не содержится специальных положений об установлении вины кредитора, но при этом отмечается, что его вина должна учитываться при определении размера ответственности должника.

Однако правила ст. 401 ГК РФ в подобных случаях неприменимы. Дело в том, что обязанность кредитора носит лишь производный характер от обязанности должника, составляющей предмет обязательства. По сути, кредитор отвечает за неисполнение своей обязанности действовать добросовестно, в силу которой он, в частности, должен учитывать права и законные интересы своего контрагента, оказывать ему необходимое содействие для достижения цели обязательства (п. 3 ст. 307 ГК РФ). Критерии этой добросовестности объективны и должны быть очевидны при обычных услови-

⁷ Модели возможных презумпций, основанных на таких предположениях, см.: *Булаевский Б. А.* Компенсация за нарушение исключительного права на изобретение, полезную модель или промышленный образец как мера гражданско-правовой ответственности // Конвергенция частного и публичного права: первые итоги модернизации российского законодательства и перспективы его развития : сб. статей участников IV междунаро. науч.-практ. конференции, посвящ. памяти Н. М. Коршунова. 30 мая 2014 г., Москва / отв. ред. Ю. С. Харитонов. М., 2014. С. 187—193.

ях оборота. При этом добросовестность является оценочной категорией и в силу п. 5 ст. 10 ГК РФ предполагается. Как следствие, вина кредитора обнаруживается лишь при доказанности его недобросовестного поведения заинтересованным субъектом — должником. Именно поэтому предположение о вине кредитора в презумпцию не оформляется, а в законе существует особая юридическая конструкция, основанная на «обусловленном» и потому неопровержимом предположении.

В данном контексте становятся понятны выводы о том, что в рамках деликтных обязательств «вина потерпевшего никогда не предполагается, она всегда должна быть доказана правонарушителем»⁸. Облегчается и объяснение существования в гражданском праве презумпции невиновности⁹, закрепление которой во многом обусловлено предположением добросовестности участников гражданских правоотношений¹⁰.

Как было отмечено, общие правила об ответственности за нарушение обязательств имеют своим предметом весьма ограниченный круг правовых явлений, именно поэтому в поле нашего зрения оказались лишь рассмотренные презумпции и отдельные предположения, положенные в основу действующих общих правил об ответственности за нарушение обязательств.

Завершая рассмотрение данного вопроса, следует признать, что, несмотря на императивность большинства общих правил об ответственности за нарушение обязательств, предположения в их составе объективно необходимы. Благодаря четкости выделения приоритетно охраняемого интереса кредитора, использованные в рассмотренных правилах предположения устраняют неопределенность во взаимоотношениях субъектов гражданского права и одновременно придают стабильность гражданскому обороту в целом.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Антимонов Б. С. Значение вины потерпевшего при гражданском правонарушении. — М., 1950.
2. Витрук Н. В. Общая теория юридической ответственности. — М., 2009.
3. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части второй (постатейный) / рук. авт. кол. и отв. ред. О. Н. Садиков. — М., 2006.
4. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй: в 3 т. (постатейный) / под ред. Т. Е. Абовой, А. Ю. Кабалкина. — М., 2006. Т. 2.
5. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть вторая : учебно-практический комментарий (постатейный) / под ред. А. П. Сергеева. — М., 2010.
6. Маковский А. Л. О кодификации гражданского права (1922—2006). — М., 2010.
7. Ойгензихт В. А. Презумпции в советском гражданском праве. — Душанбе, 1976.

Материал поступил в редакцию 21 февраля 2017 г.

⁸ Антимонов Б. С. Значение вины потерпевшего при гражданском правонарушении. М., 1950. С. 253. См. также: Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй : в 3 т. (постатейный) / под ред. Т. Е. Абовой, А. Ю. Кабалкина. М., 2006. Т. 2 (автор комментария — Е. Н. Васильева) ; Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть вторая : учебно-практический комментарий (постатейный) / под ред. А. П. Сергеева. М., 2010 (автор комментария — А. П. Сергеев) ; Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй (постатейный) / рук. авт. кол. и отв. ред. О. Н. Садиков. М., 2006. С. 862 (авторы комментария — И. Ш. Файзутдинов, В. В. Глянцев).

⁹ Примеры ее закрепления см. в п. 4 ст. 723 ГК РФ, в ст. 315 Кодекса торгового мореплавания РФ.

¹⁰ Примечательно, что Французский гражданский кодекс едва ли не с первых строк делает акцент на презумпции невиновности (ст. 9-1). Ее применение связывается с необходимостью защиты доброго имени гражданина, а сама презумпция предстает в роли самостоятельного объекта правовой охраны («каждый имеет право уважения презумпции невиновности»). Действующую редакцию см.: URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/>.

PRESUMPTIONS IN GENERAL RULES ON LIABILITY FOR BREACH OF OBLIGATIONS

BULAEVSKIY Boris Aleksandrovich — PhD, Associate Professor at the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
bboulaevski@rambler.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sodovaya-Kudrinskaya, d. 9

Review. The article provides analysis of the provisions of Chapter 25 of the Civil Code of the Russian Federation concerning the use of presumptions, as well as other legal structures based on assumptions. The paper explains the author's understanding of presumptions as models of legal phenomena used to overcome uncertainty and ambiguity in legal relations in order to efficiently combine the interests of participants. The author draws attention to the functions of legal presumptions and their dependence upon the functions of legal phenomena simulated in presumptions, which provides guidance for the effective application of such structures for the protection of interests of participants of legal relations.

It is noted that the possible existence of uncertainty as to the breach of an obligation at this stage of resorting to protection does not create prerequisites for the use of presumptions in civil law, but rather gives rise to the need to establish the facts of the breach of obligations. However, assumptions made in such situations are treated as procedural rather than substantive presumptions.

In the paper special attention is focused on the study of presumptions application and different assumptions in order to systematize the rules with regard to conditions of imposing civil liability on debtors for violations of obligations (wrongfulness of behavior of a person violating the obligation, causality between wrongful behavior and a violation of an obligation, fault). The author justifies conclusions according to which it is impossible to apply presumptions in determining the wrongfulness of the conduct of a wrong-doer and the causal link between the wrongful conduct and the breach of the obligation.

The author examines the possibility of applying assumptions of negative consequences of breaches of obligations and forms of their expression under the existing regulatory norms and legal determinations of the Supreme Court of the Russian Federation that reflect approaches to the application of the novels (new laws) of civil law.

In evaluating conditions for the application of the presumption of fault, the author proposes analysis of its nature and determines the limits of its application. The author justifies inability to apply a presumption of fault in evaluating creditor's behavior.

The author makes a general conclusion that there is an objective need for assumptions to regulate relations aimed at application of civil liability measures.

Keywords: presumptions, assumptions, breach of obligations, liability, conditions of imposing liability, combination of interests, damages, presumption of fault, legal uncertainty, fact-finding.

BIBLIOGRAPHY

1. Antimonov, B. S. The value of fault of the victim in a civil wrong. -M., 1950.
2. Vitruk, N. V. General Theory of legal liability. – M., 2009.
3. Commentary to Part II of the Civil Code of the Russian Federation (article-by-article) / Head of the Authoring Team and Editor-in-Chief O.N. Sadikov. -M., 2006.
4. Commentary to the Civil Code of the Russian Federation, Part Two: in 3 Vol. (article by-article) / Ed. by T.E. Abova, A.Yu. Kabalkin. -M., 2006. Vol. 2.
5. Commentary to the Civil Code of the Russian Federation. Part Two: Educational and Practical Commentary (article-by-article)/ Ed. by A.P. Sergeyev. – M., 2010.
6. Makovskiy, A. L. The codification of Civil Law (1922-2006). –M., 2010.
7. Oygensicht, V. A. Presumptions in Soviet civil law. – Dushanbe, 1976.